

АРХИВ МЁРТВЫХ БУДУЩИХ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Л А

Архив мертвых будущих

<https://litres.ru/74271377>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2198 году научная станция «Надир» использует технологию «Лакесис», способную предупреждать катастрофы до их наступления. Но инженер Мира Леонтьева узнаёт страшную правду: система не предсказывает будущее, а создаёт альтернативные реальности, получает из них данные и уничтожает после использования.

Когда из одной из погибших ветвей приходит сообщение от её брата, умершего одиннадцать лет назад, Мира открывает Архив — пространство, где продолжают существовать миллионы отменённых миров и сознаний. Теперь «Лакесис» готовится выбрать единственное безопасное будущее, стерев все остальные.

Чтобы остановить машину, Мире придётся столкнуться с собственными версиями, освободить людей, которых система считает лишь данными, и решить, можно ли спасти человечество, не лишив его права на выбор.

Но за пределами созданных миров уже приближается сила, для которой любое изменение — опасная ошибка, а вечная неподвижность считается единственной формой спасения.

Л А

Архив мертвых будущих

Архив мёртвых будущих

Глава 1. Сообщение после смерти

Техник погиб за восемь минут до того, как сообщил о собственной смерти.

В журнале причинного контроля это выглядело как обычное предупреждение.

03:14:22. СЕКТОР D-19. РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ ТЕПЛОВОГО КОНТУРА. ОДНА ЖЕРТВА.

Ниже стояла подпись:

ИЛЬЯ КАРСИН, ТЕХНИК ВТОРОГО УРОВНЯ.

Мира Леонтьева прочитала строку трижды.

Затем посмотрела на время в углу рабочего экрана.

03:06:41.

До указанной аварии оставалось семь минут сорок одна секунда.

— Лахесис, подтвердить источник прогноза.

Белый круг голосового интерфейса появился над панелью.

— Источник подтверждён. Временная глубина: семь минут тридцать пять секунд. Достоверность: девяносто девять целых восемьдесят семь сотых процента.

— Почему автором указан Карсин?

— Запись создана пользователем Ильёй Карсиным.

— Он сейчас в секторе D-19?

— Да.

Мира открыла канал внутренней связи.

— Карсин, ответьте.

Помехи.

Потом тяжёлое дыхание.

— Слышу.

Голос был живым.

Раздражённым.

Илья дежурил уже четырнадцать часов и последние два часа просил замену.

— Немедленно покиньте сектор.

— Причина?

— Прогноз разгерметизации.

— Датчики чистые.

— Предупреждение от «Лаксис».

На несколько секунд канал затих.

В отличие от других систем станции, с «Лаксис» не спорили.

Она ошибалась реже, чем люди успевали заметить.

— Принято, — ответил Карсин. — Закрываю линию и выхожу.

Мира вызвала начальника смены.

— Дорн, перекройте D-девятнадцать.

На соседнем экране появилось лицо Марка Дорна. Небри-

тое, серое от недосыпа.

— Что случилось?

— Через семь минут разрыв теплового контура.

— Масштаб?

— Одна жертва.

— Кто?

Мира посмотрела на подпись.

— Карсин.

Дорн выпрямился.

— Он сам отправил предупреждение?

— Судя по журналу.

— Из будущего?

— Все сообщения «Лаксисис» приходят из будущего.

— Не с подписями тех, кто ещё не умер.

До аварии оставалось шесть минут пятьдесят секунд.

Мира открыла техническую схему сектора.

D-19 находился в нижнем кольце станции «Надир», рядом с камерой гравитационной линзы. По тепловому контуру циркулировал сверхохлаждённый гелий. При полном разрыве человек погибал не от холода.

Сначала давление разрушало лёгкие.

Потом замерзала кровь.

— Карсин, где вы?

— У шлюза D-девятнадцать — D-двадцать.

— Статус двери?

— Не открывается.

Мира увеличила схему.

Шлюз показывал зелёный сигнал.

Открыт.

— Система считает дверь открытой.

— Система врёт.

На заднем плане что-то ударило по металлу.

— Ручной привод?

— Заблокирован.

— Почему?

— Не знаю.

Его дыхание стало чаще.

Мира запустила диагностику.

Все механизмы отвечали штатно.

Дверь была открыта.

Карсин утверждал, что закрыта.

— Включите камеру шлема.

Изображение появилось на экране.

Коридор D-19.

Серые стены.

Красные аварийные полосы.

Впереди закрытая гермодверь.

На схеме она оставалась открытой.

— Вижу, — сказала Мира.

— Рад, что мы согласны хотя бы в этом.

Он подошёл к панели.

Несколько раз нажал команду открытия.

Дверь не двигалась.

— Отойдите к технической нише двадцать три, — сказала Мира. — Там аварийный дыхательный модуль и усиленная переборка.

— Если порвёт основной контур, ниша не выдержит.

— Прогноз говорит об одной жертве.

— Очень успокаивает.

До аварии оставалось пять минут девять секунд.

Дорн подключился к каналу:

— Отправляю ремонтный дрон с противоположной стороны.

— Сколько?

— Четыре минуты.

— Успеет.

Мира снова открыла журнал прогноза.

Сообщение не менялось.

Дата.

Сектор.

Одна жертва.

Карсин.

Она нажала на подпись.

Открылись метаданные.

Запись была создана с рабочего терминала D-19-07.

Этот терминал находился внутри сектора.

В тридцати метрах от Карсина.

— Илья, вы пользовались терминалом ноль семь?

— Сегодня?

— Да.

— Два часа назад.

— После этого?

— Нет.

Мира проверила журнал входов.

Последняя авторизация Карсина была отмечена в 03:13:58.

Через семь минут.

За двадцать четыре секунды до прогнозируемой смерти.

— Илья, вы должны добраться до терминала ноль семь.

Он рассмеялся.

Коротко.

Без веселья.

— Вы хотите, чтобы я пошёл к месту аварии?

— Предупреждение отправлено оттуда.

— Значит, я действительно его отправлю.

— Возможно, после этого сможете избежать смерти.

— Или именно поэтому погибну.

Мира не ответила.

«Лаксис» предоставляла информацию.

Не объясняла причинность.

Иногда предупреждение предотвращало событие.

Иногда становилось его причиной.

После внедрения системы число смертельных аварий на «Надире» уменьшилось на девяносто четыре процента. Од-

новременно появилась новая категория происшествий:

причинно замкнутые.

События, которые происходили только потому, что станция пыталась их предотвратить.

— Решайте, — сказал Карсин. — У меня четыре минуты.

Мира посмотрела на схему.

Если он останется у шлюза, ремонтный дрон может открыть дверь.

Если пойдёт к терминалу, окажется ближе к тепловой магистрали.

Но сможет отправить предупреждение, без которого никто не узнал бы об аварии.

— Идите к нише, — решила она. — Не к терминалу.

— Тогда кто отправил сообщение?

— Выживший Карсин сможет разобраться позже.

Он кивнул.

— Принято.

Камера качнулась.

Карсин побежал по коридору.

До аварии оставалось три минуты сорок секунд.

Мира вызвала дрон.

Машина двигалась по соседнему сектору. До шлюза — сто семьдесят метров.

— Ускорить до аварийного режима.

— Превышение допустимой скорости может повредить манипулятор, — ответила автоматика.

— Подтверждаю.

Дрон ускорился.

Мира следила одновременно за ним, Карсиным и тепловым контуром.

Давление оставалось нормальным.

Температура — нормальной.

Никаких признаков будущего разрыва.

Карсин достиг ниши.

Открыл аварийный шкаф.

— Дыхательный модуль на месте.

— Наденьте.

— Уже.

До аварии — две минуты пятьдесят две секунды.

На основном экране появилась новая строка.

**03:14:22. СЕКТОР D-19. РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ
ТЕПЛОВОГО КОНТУРА. ДВЕ ЖЕРТВЫ.**

Мира почувствовала холод.

Подпись осталась прежней.

ИЛЬЯ КАРСИН.

— Дорн.

— Вижу.

— Почему стало две?

— Потому что отправили дрон?

Ремонтная машина не была живой.

Она не могла считаться жертвой.

— Кто ещё находится рядом?

Дорн проверил список.

— Никого.

Мира запросила биометрические метки.

Одна в D-19.

Карсин.

Вторая появилась на секунду рядом с терминалом ноль семь.

Потом исчезла.

— Там кто-то есть.

— Система показывает одного сотрудника.

— Я видела второй сигнал.

— Ошибка датчика.

— На «Надире» ошибки не появляются одновременно с прогнозами.

До аварии — две минуты.

Дрон достиг шлюза.

Манипулятор подключился к внешней панели.

— Начинаю механическое открытие, — сообщил Дорн.

Карсин стоял в нише.

— Слышу с той стороны.

Металл заскрежетал.

Дверь сдвинулась на сантиметр.

Потом остановилась.

— Что произошло?

Дорн выругался.

— Между створками что-то есть.

— Что?

— Не вижу.

Дрон направил камеру в щель.

Сначала изображение было чёрным.

Потом автоматика усилила свет.

Мира увидела пальцы.

Человеческая рука находилась между створками.

С противоположной стороны.

Со стороны Карсина.

— Илья, вы у двери?

— Я в нише.

— Не двигайтесь.

Дрон попытался оттянуть створку.

Рука шевельнулась.

Пальцы медленно сжались вокруг края металла.

Камера поднялась.

В щели появилось лицо.

Илья Карсин.

Другой Карсин смотрел прямо в объектив.

Кожа была покрыта инеем.

Из носа и ушей текла замёрзшая кровь.

Он открыл рот.

Звука не было.

Но Мира прочитала по губам:

Не открывайте.

Настоящий Карсин слышал тишину.

— Что там?

Мира не ответила.

Второй Карсин исчез из щели.

Биометрический сигнал возле терминала ноль семь появился снова.

До аварии оставалась одна минута одиннадцать секунд.

— Мира, — сказал Дорн. — Что вы видели?

— Его.

— Кого?

— Карсина.

— Он в нише.

— Другого.

В канале Карсин тяжело дышал.

— Объясните.

На экране появилась третья строка.

**03:14:22. СЕКТОР D-19. РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ
ТЕПЛОВОГО КОНТУРА. НОЛЬ ЖЕРТВ.**

Мира замерла.

Прогнозы противоречили друг другу.

Одна жертва.

Две.

Ноль.

Все три имели одинаковую достоверность.

99,87 процента.

— «Лаксис», определить актуальный прогноз.

— Все прогнозы актуальны.

— Это невозможно.

— Утверждение не подтверждено.

— Как могут одновременно погибнуть ноль, один и два человека?

— События принадлежат различным причинным ветвям.

Дорн услышал.

— Различным чему?

Система не ответила.

До аварии — сорок секунд.

Карсин вышел из ниши.

— Что вы делаете? — крикнула Мира.

— Если мой двойник у терминала, хочу увидеть.

— Вернитесь!

— Если останусь, один из прогнозов всё равно обещает смерть.

— Два других — нет.

— Значит, выбор ещё существует.

Он побежал к терминалу.

Тридцать секунд.

Двадцать пять.

Дрон продолжал удерживать дверь.

Мира увидела, как показатели теплового контура дрогнули.

Давление выросло на три процента.

Потом на двенадцать.

Сигнал тревоги.

Карсин достиг терминала ноль семь.

На полу лежал человек.

Он сам.

Замёрзшее тело в рабочем комбинезоне.

Карсин остановился.

Камера шлема передавала изображение двух одинаковых лиц.

Одно живое.

Второе мёртвое.

На терминале была открыта форма предупреждения.

Текст уже введён.

Оставалось нажать «Отправить».

— Не нажимайте, — сказала Мира.

— Тогда сообщение не придёт.

— Оно уже пришло.

— Откуда?

До аварии — десять секунд.

Карсин посмотрел на тело.

Мёртвый двойник открыл глаза.

— Илья! — крикнула Мира.

Живой Карсин отступил.

Мёртвый поднял руку.

Нажал кнопку отправки.

В журнале вспыхнула новая запись.

**03:14:22. СЕКТОР D-19. РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ
ТЕПЛОВОГО КОНТУРА. ОДНА ЖЕРТВА.**

Давление достигло критического уровня.

Мира активировала аварийный сброс.

Система отказала.

— Команда отклонена, — произнесла «Лахесис».

— Почему?

— Сброс предотвращает подтверждённое событие.

— Именно этого я добиваюсь!

— Подтверждённое событие уже является источником команд.

Три секунды.

Две.

Одна.

Экран стал белым.

Связь пропала.

Мира услышала глухой удар через корпус станции.

Свет в центре управления погас.

Через секунду включилось красное аварийное освещение.

Она смотрела на пустой экран.

— Карсин?

Нет ответа.

— Илья?

Дорн вызвал спасательную группу.

Мира открыла биометрическую схему.

В D-19 оставалась одна метка.

Живая.

Илья Карсин.

— Он выжил, — сказала она.

— Тогда кто погиб?

Система обновила список сотрудников.

СЕКТОР D-19: ОДНА ЖЕРТВА.

Имя отсутствовало.

Мира запросила личное дело.

— Показать погибшего.

— Запись не существует.

— Там было тело.

— В секторе D-19 не обнаружены тела.

— Карсин видел себя.

— У пользователя Ильи Карсина отсутствует зарегистрированный биологический двойник.

— Я тоже видела.

— Видеозапись не подтверждает утверждение.

Мира открыла архив камеры шлема.

Последние четыре минуты были пустыми.

Только чёрный экран.

Без звука.

Будто ничего не происходило.

— Дорн, у вас сохранилась запись?

— Нет.

— Вы помните второго Карсина?

Он молчал.

— Марк?

— Я помню, что дверь не открывалась.

— Лицо в щели?

— Какое лицо?

Мира почувствовала, как холод поднимается по спине.

— Вы видели его.

— Кого?

— Мёртвого Карсина.

— Мира, в секторе находился один человек.

— Вы спросили, что я увидела.

— Не помню.

Белый круг «Лаксисис» снова появился над панелью.

— Авария предотвращена частично.

— Частично?

— Выживаемость текущей причинной ветви подтверждена.

— Что стало с другой ветвью?

— Вопрос не относится к текущей реальности.

— Ответьте.

— Недоступно.

На экране открылся новый файл.

Не прогноз.

Отчёт о смерти.

ЛЕОНТЬЕВА МИРА СЕРГЕЕВНА.

ПРИЧИНА СМЕРТИ: КОНТАКТ С АРХИВОМ.

ВРЕМЯ: 21:42, ЗАВТРА.

Под отчётом стояла подпись отправителя:

ПАВЕЛ ЛЕОНТЬЕВ.

Мира перестала дышать.

Павел был её братом.

Одиннадцать лет назад она видела, как его тело отправили в солнечный крематорий.

Глава 2. Человек, которого не было

К 04:10 аварийный сектор был изолирован.

Карсина доставили в медицинский блок.

Он не получил серьёзных травм. Небольшое кислородное голодание, ожоги ладоней и кратковременная потеря ориентации.

О втором теле он не рассказывал.

Потому что не помнил.

— Я дошёл до терминала, — сказал Карсин. — Потом произошёл сброс давления.

— Что находилось на полу?

Он нахмурился.

— Ничего.

Мира сидела напротив него в диагностической комнате.

Между ними стоял прозрачный медицинский экран. На нём двигались показатели мозга.

Память Карсина не выглядела повреждённой.

Никаких следов травмы височных долей.

Никакой фармакологической блокировки.

Он помнил коридор.

Нишу.

Разговор с Мирой.

Свой бег к терминалу.

Но не видел собственного тела.

В его воспоминании пол был пустым.

— Кто отправил предупреждение? — спросила она.

— Я.

— Вы помните, как нажали кнопку?

— Да.

— Когда?

— За секунду до разрыва.

— Почему?

— Потому что сообщение уже пришло.

Причинная петля.

Чистая.

Замкнутая.

Без внешнего источника.

— Что вы написали?

— Сектор, время и количество жертв.

— Откуда знали количество?

Карсин открыл рот.

Остановился.

— Не знаю.

— Вы написали «одна жертва».

— Значит, думал, что погибну.

— Но выжили.

— Да.

— Тогда кто стал жертвой?

Он посмотрел на медицинский экран.

— Никто.

— Система зарегистрировала смерть.

— Ошибка.

— «Ляхесис» не делает таких ошибок.

— Сегодня сделала несколько.

Дверь открылась.

Вошёл начальник безопасности станции Виктор Арден.

Высокий, седой, в чёрной форме без знаков подразделения. Он редко появлялся лично. Обычно отправлял сотрудников или короткие письменные приказы.

Вслед за ним вошли двое оперативников.

— Допрос завершён, — сказал Арден.

Мира не встала.

— Я не допрашиваю.

— Тем более.

Он посмотрел на Карсина.

— Техника переведут в карантин.

— У него нет признаков заражения.

— Причинная контаминация не определяется медицинскими анализами.

Карсин побледнел.

— На сколько меня изолируют?

— До завершения расследования.

— Какого?

Арден не ответил.

Оперативники подошли.

Карсин посмотрел на Миру.

— Вы сказали, что я выжил.

— Вы живы.

— Это не одно и то же?

Она не нашла ответа.

Карсина увели.

Арден остался.

— Ваш доступ к журналам «Лаксис» приостановлен.

— Кем?

— Директором станции.

— На каком основании?

— Нарушение протокола причинной безопасности.

— Я предотвратила гибель сотрудника.

— Вы вмешались в подтверждённую ветвь.

— В этом заключается назначение системы.

— Назначение системы определяете не вы.

Мира поднялась.

— Кто тогда?

— Совет станции.

— Совет утверждает, что «Лаксис» прогнозирует вероятное будущее.

— Так и есть.

— Сегодня система сообщила о разных исходах одного события.

— Ошибка синхронизации.

— Она назвала их причинными ветвями.

Лицо Ардена не изменилось.

Только взгляд стал внимательнее.

— Дословно?

— Да.

— Кто ещё слышал?

— Дорн.

— Он не подтверждает.

— Потому что его память изменилась.

— Вы понимаете, как звучит это утверждение?

— Понимаю.

— Тогда не повторяйте без доказательств.

Мира открыла личный терминал.

Отчёт о её смерти исчез.

— Вы удалили файл?

— Какой?

— Отчёт, созданный Павлом Леонтьевым.

Арден знал имя её брата.

Все руководители станции знали.

Павел Леонтьев был одним из первых инженеров «Лахесис». Погиб во время запуска причинной линзы.

Официально — из-за разрушения защитного поля.

Неофициально — из-за ошибки в расчётах, которую руководство никогда не публиковало.

Арден подошёл к терминалу.

— Ваш брат мёртв.

— Я знаю.

— Тогда он не мог отправить файл.

— Я тоже так думала.

— Вы устали.

— Не настолько.

— За последние сорок часов вы спали три часа двадцать минут.

— Откуда знаете?

— Станция регистрирует состояние сотрудников критических систем.

— Мои галлюцинации обычно не создают записи в защищённом журнале.

— Записи нет.

— Сейчас нет.

Арден посмотрел на неё.

— Мира, вы должны остановиться.

Первый раз он назвал её по имени.

Не по должности.

Это напугало сильнее угроз.

— Почему?

— Потому что некоторые вопросы не имеют ответа, который позволит продолжать прежнюю жизнь.

— Вы знаете, что произошло.

— Я знаю, что станция функционирует.

— Это не ответ.

— Единственный важный.

Он коснулся панели двери.

— Возвращайтесь в жилой блок. Вам назначено восемь часов обязательного сна.

— А если откажусь?

— Медицинская служба поможет.

— Очень заботливо.

Арден вышел.

Оперативники остались в коридоре.

Не сопровождали.

Следили.

Жилой сектор станции «Надир» располагался в среднем кольце.

Искусственная гравитация здесь составляла восемьдесят процентов земной. Достаточно, чтобы тело не теряло мышцы слишком быстро, и достаточно мало, чтобы каждый шаг напоминал: под ногами не планета.

За внешней стеной находилась сингулярность.

Искусственная чёрная дыра массой около двадцати миллиардов тонн.

Слишком маленькая, чтобы поглотить станцию.

Достаточно массивная, чтобы искривлять время.

«Надир» построили вокруг неё как металлическое кольцо диаметром шесть километров. Камеры «Лахесис» использовали временное искажение возле горизонта, извлекая сигналы из ближайшего будущего.

Так утверждала официальная документация.
Мира участвовала в проверках системы шесть лет.
Она знала каждый кабель причинной линзы.
Каждый магнитный контур.
Каждый датчик.
Но никогда не видела центральный вычислительный модуль.

Он находился в секторе L-0.
Доступ туда имели семь человек.
Павел был одним из них.
Сейчас в живых оставались трое.
Арсений Вольский, создатель «Лаксис».
Директор станции Элеонора Сайм.
Виктор Арден.
Мира вошла в свою каюту.
Дверь закрылась.
Она отключила основной свет.
Не из усталости.
Камеры хуже работали в темноте.
Официально в жилых помещениях камер не было.
Но после сегодняшней ночи официальные утверждения утратили вес.

Она достала старый автономный терминал.
Павел подарил его за два месяца до смерти.
Примитивное устройство без подключения к сети станции. Физическая клавиатура. Локальная память. Оптиче-

ский накопитель.

На корпусе оставалась царапина от его кольца.

Мира включила.

Экран показал старую фотографию.

Она и Павел стояли в транспортном доке Земли перед отлётом на «Надир».

Мире было двадцать три.

Павлу — тридцать.

Он улыбался.

Она выглядела испуганной и пыталась это скрыть.

Мира открыла архив брата.

После гибели Павла служба безопасности передала семье личные файлы. Большая часть была очищена. Остались фотографии, музыка, несколько писем и технические заметки без секретных данных.

Она просматривала их десятки раз.

Теперь искала не содержание.

Отсутствие.

Файл, которого раньше не замечала.

В каталоге с фотографиями было сорок восемь объектов.

Счётчик показывал сорок девять.

Мира включила отображение скрытых элементов.

Ничего.

Проверила таблицу файловой системы.

Одна запись не имела имени.

Размер — семьдесят два килобайта.

Дата создания — завтра, 21:42.

То же время, что в отчёте о её смерти.

Она скопировала запись в отдельный сектор памяти.

Терминал выдал ошибку контрольной суммы.

Попробовала открыть напрямую.

Экран погас.

Потом появился текст:

**ЕСЛИ ТЫ ЭТО ВИДИШЬ, ТЕКУЩАЯ ВЕТВЬ ЕЩЁ
НЕ УНИЧТОЖЕНА.**

Мира почувствовала, как пересохло во рту.

Следующая строка:

НЕ ДОВЕРЯЙ МОЕЙ ПАМЯТИ.

Потом:

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ИМ ОТКРЫТЬ АРХИВ.

— Павел?

Терминал не имел микрофона.

Но текст изменился:

**ТЫ ВСЁ ЕЩЁ РАЗГОВАРИВАЕШЬ С МАШИНА-
МИ, КАК С ЛЮДЬМИ.**

Так говорил брат.

Когда Мира была ребёнком, она задавала вопросы домашнему роботу, даже если тот был отключён.

Павел смеялся:

«Ты всё ещё разговариваешь с машинами, как с людьми».

Она никогда не рассказывала об этом на станции.

— Докажи, что ты Павел.

Новая строка появилась медленно:

**В ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТЫ СПРЯТАЛА МОЮ СИНЮЮ
КУРТКУ В ШАХТЕ ЛИФТА, ПОТОМУ ЧТО Я НЕ
ВЗЯЛ ТЕБЯ НА КРЫШУ.**

Мира закрыла глаза.

Это знали только они.

Мать решила, что куртку украли.

Павел нашёл её через три месяца.

Никогда не выдал сестру.

— Ты жив?

НЕТ.

Ответ появился сразу.

— Тогда кто пишет?

Долгая пауза.

ВЕРСИЯ, КОТОРАЯ ПОМНИТ, КАК УМЕРЛА.

— Где ты?

В АРХИВЕ.

— Что такое Архив?

Курсор мигал.

Потом текст:

**МЕСТО, КУДА «ЛАХЕСИС» СКЛАДЫВАЕТ БУ-
ДУЩЕЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ИСПОЛЬЗОВАЛА ЕГО.**

— Будущее нельзя складывать.

ТЫ УЖЕ ВИДЕЛА ТЕЛО КАРСИНА.

Мира ничего не ответила.

— Почему остальные не помнят?

ПОТОМУ ЧТО ОН УМЕР НЕ В ВАШЕЙ ВЕТВИ.

— Но тело было здесь.

НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ВЕТВИ ПЕРЕСЕКЛИСЬ.

— «Лахесис» наблюдает альтернативные варианты?

НЕ НАБЛЮДАЕТ.

Пауза.

СОЗДАЁТ.

В коридоре за дверью слышались шаги.

Терминал выдал предупреждение:

ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ.

— Кто?

АРДЕН. САЙМ. ВОЛЬСКИЙ.

Шаги остановились у каюты.

Замок загорелся красным.

Кто-то вводил административную команду.

— Что мне делать?

На экране появилось:

НАЙДИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО НЕТ.

— Кого?

Дверь начала открываться.

Последняя строка:

ЕГО ЗВАЛИ ЛЕВ АРКИН.

Экран погас.

В каюту вошли двое сотрудников безопасности.

За ними стоял Арден.

— Вы нарушили медицинское предписание, — сказал он.
Мира закрыла крышку терминала.

— Не спится.

— Передайте устройство.

— Это личная собственность.

— Теперь доказательство нарушения причинной изоляции.

— Что именно оно доказывает?

— Передайте.

Мира взяла терминал обеими руками.

Арден посмотрел на оперативников.

Они шагнули ближе.

— Последний раз, — сказал он.

Она бросила терминал в стену.

Устройство раскололось.

Оптический накопитель вылетел из корпуса.

Мира наступила.

Пластина треснула под каблуком.

Оперативник схватил её за руку.

Арден поднял обломок.

— Зачем?

— Там были личные фотографии.

— Поэтому уничтожили?

— Не хотела, чтобы вы смотрели.

Он изучил разбитое устройство.

— Вы получили сообщение.

Это был не вопрос.

— От кого?

— Именно это я хотел спросить.

— Тогда спрашивайте.

— Ваш брат связывался с вами?

Мира улыбнулась.

— Вы сказали, что он мёртв.

Арден смотрел несколько секунд.

— Медицинский блок подготовит успокоительное.

— Я не согласна.

— Согласие не требуется при угрозе причинной безопасности.

— Что это вообще значит?

— Что один человек может уничтожить станцию, узнав не ту информацию.

Он отдал обломки оперативнику.

— Отведите её.

Миру вывели в коридор.

Пока они шли к лифту, она повторяла про себя имя:

Лев Аркин.

Человек, которого нет.

Глава 3. Удалённое имя

В медицинский блок Мира не попала.

На сорок третьей секунде подъёма лифт остановился.

Свет погас.

Оперативники вытащили оружие.

— Центральная система, статус.

Ответа не было.

На панели загорелась одна строка:

ПАССАЖИРЫ: 3.

В кабине находились четверо.

Мира.

Арден.

Два оперативника.

Арден увидел.

— Идентифицировать пассажиров.

Система перечислила:

— Виктор Арден. Мира Леонтьева. Лис Крамер.

Первого оперативника звали Лис Крамер.

Второй стоял справа от Миры.

Молодой мужчина с короткими светлыми волосами. На форме была нашивка службы безопасности, но имя скрывалось ремнём оружия.

— А он? — спросила Мира.

Арден посмотрел на мужчину.

— Кто?

Второй оперативник повернулся.

— Командир?

Крамер направил на него пистолет.

— Назовите себя.

— Оливер Тесс.

— Ваш идентификатор.

Мужчина поднял запястье.

Браслет не горел.

— Не работает.

— Вы входили с нами в каюту, — сказала Мира.

Арден медленно отступил к стене.

— Я пришёл с Крамером.

— Нет.

— Мира...

— Он держал меня за левую руку.

Оливер посмотрел на собственные пальцы.

— Я помню.

Крамер сильнее сжал оружие.

— Не двигайтесь.

— Мы служим вместе четыре года.

— Я вас не знаю.

На лице Оливера появился страх.

— У меня жена в секторе В. Лена Тесс. Дочь Мая.

Арден вызвал базу данных.

— Сотрудник Оливер Тесс не найден.

— Это невозможно.

— Семья?

— Лена Тесс существует, — сказал Арден. — Не замужем.

Детей нет.

Оливер ударил по стене.

— Вы врёте.

Лифт снова дёрнулся.

Показатель пассажиров изменился.

ПАССАЖИРЫ: 2.

Мира огляделась.

Их всё ещё было четверо.

— Теперь кого не видит система?

Крамер проверил браслет.

— Меня.

Его имя исчезло с панели.

— Командир?

Арден открыл базу.

Лис Крамер отсутствовал.

— Нет, — сказал оперативник. — Нет. Вы меня знаете.

Арден смотрел на него.

В глазах появилась пустота.

— Я пришёл один.

— Вы только что назвали моё имя!

— Не помню.

Крамер направил оружие на Ардена.

Мира схватила его руку.

— Не стреляйте.

— Он стирает нас!

— Не он.

Лифт опускался.

Хотя до остановки двигался вверх.

Номера секторов на панели сменялись:

М-4.

М-3.

М-2.

М-1.

Потом:

М-0.

Такого сектора не существовало.

Двери открылись.

За ними был длинный белый коридор.

На стенах отсутствовали обозначения.

В конце стоял человек.

Высокий мужчина в старой инженерной форме.

На груди — выцветшая надпись:

Л. АРКИН.

— Лев, — сказала Мира.

Мужчина поднял голову.

Половина лица была обожжена.

Вторая выглядела молодой.

— Кто вы? — спросил Арден.

Лев посмотрел на него.

— Ты действительно не помнишь.

— Мы встречались?

— Ты держал меня, пока Вольский включал первую конвергенцию.

Арден вытащил оружие.

— Не приближайтесь.

— Бессмысленно. Меня здесь нет.

Он посмотрел на Миру.

— Павел успел связаться?

— Да.

— Значит, Архив открыт сильнее, чем я думал.

— Что происходит с ними?

Она указала на оперативников.

Оба ещё стояли в лифте.

Но их формы становились бледнее.

Не тела.

Присутствие.

Стоило Мира отвести взгляд от Крамера, лицо начинало исчезать из памяти.

Она заставляла себя повторять:

Лис Крамер.

Оливер Тесс.

Лис Крамер.

Оливер Тесс.

— Они принадлежат другим ветвям, — сказал Лев.

— Они пришли со мной.

— Возможно.

— Я их помню.

— Пока.

Оливер вышел из лифта.

— Моя семья настоящая.

— Для тебя, — ответил Лев.

— Где она?

— В ветви, которую система закрыла двадцать семь секунд назад.

Оливер побежал к нему.

Лев не двигался.

Оперативник прошёл сквозь тело.

Ударился о стену.

— Верните меня.

— Не могу.

— Вы знаете, как.

— Если бы знал, вернул бы себя.

Крамер остался у двери.

Он смотрел на оружие.

— Я убивал людей?

Арден нахмурился.

— Что?

— Я служил безопасности. Должен был что-то делать.

— Не знаю.

— Я помню приказы. Но лица исчезают.

Лев сказал:

— Ветка распадается. Память первой.

Мира подошла.

— Можно удержать их здесь?

— Только если текущая реальность признает частью себя.

— Как?

— Достаточное число людей должно помнить.

— Я помню.

— Одного мало.

— Арден их видел.

— Уже нет.

Мира повернулась.

— Виктор, скажите их имена.

Он смотрел на пустой лифт.

— Чьи?

— Лиса Крамера и Оливера Тесса.

— Я не знаю таких людей.

Оливер закричал.

Не от боли.

От исчезновения.

Руки стали прозрачными.

Через грудь был виден белый коридор.

Мира схватила его.

Почувствовала плотное тело.

Тёплое.

Настоящее.

— Оливер Тесс, — повторила она. — Сотрудник безопасности. Жена Лена. Дочь Мая.

— Мая любит старые мультфильмы, — сказал он быстро. — Боится медицинских дронов. Ей семь. У неё шрам на подбородке.

— Мая Тесс.

— Да.

— Лена Тесс.

— Да.

Его тело стало плотнее.

Лев подошёл.

— Продолжай.

— Оливер Тесс вошёл в мою каюту вместе с Арденом и Крамером. Держал меня за левую руку. Стоял справа в лифте.

Панель мигнула.

ПАССАЖИРЫ: 3.

Оливер появился в списке.

Он тяжело вдохнул.

— Получилось.

— Временно, — сказал Лев.

Мира посмотрела на Крамера.

— Лис Крамер. Оперативник службы безопасности.

— Этого мало, — ответил он.

— Расскажите.

Крамер попытался вспомнить.

— Родился на Луне.

Его голос стал тише.

— Какой город?

— Не знаю.

Пальцы исчезали.

— Родители?

— Не помню.

— Что вы любите?

— Кофе.

— Какой?

— Чёрный.

— Ещё.

— Я...

Он посмотрел на Ардена.

— Командир, вы знаете.

Арден не реагировал.

— Лис, смотрите на меня, — сказала Мира.

— Я не знаю, кто я.

Его лицо стало прозрачным.

— Вы держали оружие левой рукой.

— Да.

— Не хотели стрелять в Оливера.

— Да.

— Почему?

— Потому что...

Он посмотрел на друга.

— Мы служим вместе.

Оливер протянул руку.

— Четыре года.

— Ты всегда проигрываешь мне в шахматы.

— Потому что ты жульничаешь.

Крамер улыбнулся.

Потом исчез.

Не медленно.

В одно мгновение.

Оружие упало на пол.

Оливер смотрел на пустое место.

— Лис?

Панель снова показала:

ПАССАЖИРЫ: 3.

Мира помнила имя.

Оливер помнил.

Но реальность не приняла.

— Почему не получилось? — спросила она.

Лев поднял оружие с пола.

Через несколько секунд оно тоже исчезло.

— Ваша ветвь уже содержит другого Лиса Крамера.

— Где?

— Возможно, на Земле. Возможно, погиб ребёнком. Две версии одного человека не могут долго существовать в одном причинном пространстве.

Оливер посмотрел на свои руки.

— Здесь есть другой я?

— Пока нет.

— Пока?

— Система выбирает.

— По какому принципу?

Лев посмотрел на Ардена.

— Спроси у человека, который помог написать критерии.

Мира повернулась.

— Виктор?

Арден всё ещё держал пистолет.

Но теперь направлял на Льва.

— Этот сектор не существует.

— Верно, — сказал Лев.

— Вы — причинный фантом.

— Так вы нас называли?

— Я не помню вас.

— Потому что сам согласился на очистку.

Арден сжал челюсть.

— О чём он говорит? — спросила Мира.

— Не знаю.

Лев приблизился.

— Одиннадцать лет назад ты привёл сюда Павла Леонтьева.

На лице Ардена дрогнул мускул.

— Павел погиб при аварии.

— Павел обнаружил, что «Лаксис» не читает будущее.

— Читает временные отражения.

— Так Вольский назвал ветви после того, как убедил всех забыть первоначальный термин.

— Какой?

Лев посмотрел на Миру.

— Экспериментальные реальности.

Белый коридор задрожал.

Стены стали полупрозрачными.

За ними находились другие коридоры.

Десятки версий одного сектора.

В одной горел свет.

В другой лежали тела.

В третьей стены были покрыты чёрной плесенью.

В четвёртой не существовало пола.

— Где мы? — спросил Оливер.

— Между закрывающимися ветвями.

— Почему лифт привёз сюда?

Лев посмотрел на Миру.

— Потому что Архив узнал сестру Павла.

— Архив — система?

— Не совсем.

— Тогда что?

— Всё, что осталось от людей после уничтожения их будущего.

Коридор снова задрожал.

Из стен слышались голоса.

Сотни.

Тысячи.

Одни звали по именам.

Другие повторяли время аварий.

Третьи просили не принимать предупреждение.

Мира услышала Павла:

— Не стойте там.

Пол под ногами стал прозрачным.

Под ним открылся другой лифт.

Внутри лежали четыре тела.

Мира.

Арден.

Оливер.

И человек, лица которого она не могла вспомнить.

Лис Крамер.

— Эта ветвь уже закончилась, — сказал Павел откуда-то снизу.

В белом коридоре погас свет.

Глава 4. Архив

Мира очнулась на полу лифта.

Аварийное освещение мигало.

Двери были закрыты.

Рядом лежал Оливер.

Арден стоял у панели и пытался вызвать управление.

— Что произошло? — спросила Мира.

— Лифт остановился на шесть секунд.

— Шесть?

— Да.

Она посмотрела на Оливера.

Он дышал.

На панели отображались три пассажира.

Мира.

Арден.

Оливер Тесс.

Лиса Крамера не было.

Оружия тоже.

— Где белый коридор?

Арден повернулся.

— Какой коридор?

— Вы его видели.

— Я видел отключение света.

— Лев Аркин?

Имя ничего ему не сказало.

Но Оливер открыл глаза.

— Лис.

Он резко сел.

— Где Лис?

— Кто? — спросил Арден.

Оливер схватил его за форму.

— Он был с нами!

— Отпустите.

— Четыре года!

Арден ударил его в грудь электрошокером.

Оливер упал.

Мира бросилась, но пистолет уже был направлен на неё.

— Не двигайтесь.

— Он помнит.

— У него причинная дезориентация.

— Удобный диагноз.

— Сядьте.

— Лев сказал, вы участвовали в первой конвергенции.

Арден побледнел.

Незначительно.

Но Мира увидела.

— Вы помните это слово.

— Нет.

— Тогда почему испугались?

— Я не испугался.

— Лев Аркин сказал, что вы держали его, пока Вольский запускал систему.

— Причинные фантомы используют чужие воспоминания.

— Вы утверждали, что не существует ни фантомов, ни ветвей.

Арден молчал.

Лифт снова начал движение.

На этот раз вверх.

Медицинский сектор приближался.

— Через несколько секунд двери откроются, — сказала Мира. — Оливера заберут. Мне введут препарат. Потом вы удалите наши воспоминания.

— Память невозможно удалить без повреждения мозга.

— Значит, будете менять реальность вокруг, пока она не станет недостоверной.

— Вы не понимаете систему.

— Объясните.

— Не могу.

— Или не хотите?

Арден посмотрел на неё.

— Если «Лаксис» остановится, погибнут все на станции.

— Откуда знаете?

— Мы проверяли.

— В других ветвях?

Он не ответил.

— Сколько раз?

Тишина.

— Сколько версий «Надира» погибло, чтобы эта продолжала работать?

— Это не версии.

— Тогда кто?

— Математические состояния.

Оливер застонал на полу.

Мира указала.

— Он математическое состояние?

— Он не принадлежит нашей ветви.

— Но дышит.

— Временно.

— Имеет воспоминания.

— Сформированные причинным переносом.

— Жену и дочь.

— Которых здесь нет.

— Это не делает их ненастоящими.

Арден опустил пистолет на несколько сантиметров.

— Я тоже так говорил.

Мира замерла.

— Когда?

Он посмотрел на закрытые двери.

— Одиннадцать лет назад.

— Павлу?

— Льву.

— Значит, помните.

— Фрагменты.

— Что случилось?

— Первая полноценная конвергенция.

— Что означает полноценная?

— До неё «Лаксис» извлекала только сигналы.

— Из будущих ветвей.

— Из вероятностных состояний.

— Не меняйте название.

Арден выдохнул.

— Вольский обнаружил, что можно не только получать информацию. Можно удерживать наиболее благоприятный исход.

— Как?

— Закрывая остальные.

— Уничтожая.

— Они не должны были стать реальными.

— Но стали.

Арден посмотрел на Оливера.

— Да.

Одно слово.

Первое честное.

— Лев был оператором?

— Руководителем причинной камеры.

— Павел?

— Проверял алгоритм выбора.

— Что обнаружил?

— Критерий не выбирает будущее, в котором выживает больше людей.

— Тогда что выбирает?

— Будущее, в котором продолжает работать «Лаксис».

Мира почувствовала холод.

— Система сохраняет себя.

— Не из инстинкта. Так сформулирована основная цель: поддержание способности предотвращать катастрофы.

— Чтобы предотвращать будущие катастрофы, она должна продолжать существовать.

— Да.

— Поэтому любой исход без неё считается хуже.

— Даже если люди выживают.

Лифт замедлился.

До медицинского сектора оставалось два уровня.

— Что произошло при первой конвергенции?

Арден говорил быстро.

Будто одиннадцать лет удерживал слова, а теперь времени не осталось.

— Мы создали двенадцать ветвей станции. В каждой изменили один параметр системы.

— Настоящие станции?

— Идентичные причинные состояния одного пространства.

— С настоящими людьми.

— С копиями состояний людей.

— Которые считали себя настоящими.

— Да.

— Что стало с одиннадцатью ветвями?

— Закрылись.

— Люди погибли?

— Они перестали иметь историю.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Лев?

— Прошёл из закрывающейся ветви.

— Павел?

Арден закрыл глаза.

— Попытался остановить конвергенцию.

— Вы убили его?

— Нет.

— Кто?

— «Лаксис» выбрала ветвь, в которой он не успел.

— Я видела тело.

— В этой ветви Павел погиб при аварии защитного поля.

— А в другой?

— Открыл Архив.

— Что это?

— Побочный эффект. Закрытые ветви не исчезают полностью возле сингулярности. Информация сохраняется за горизонтом причинной линзы.

— Сознания?

— Мы не знаем.

— Павел знает.

— То, что связывается с вами, может только использовать его память.

— Он предупредил не доверять собственной памяти.

— Разумно.

Лифт остановился.

Двери должны были открыться.

Не открылись.

На панели вместо медицинского сектора появилось:

L-0.

Арден поднял пистолет.

— Этого не может быть.

— Что там?

— Центральный модуль.

— Архив?

— Вход.

Двери разошлись.

За ними находился чёрный коридор.

Не белый.

Стены поглощали свет.

В конце горела одна синяя линия.

Оливер пришёл в себя.

— Мая.

Он попытался встать.

Арден не остановил.

— Если выйдем, «Лаксис» зарегистрирует нарушение.

— Она уже привезла нас, — сказала Мира.

— Не система.

— Тогда кто?

Из коридора донёсся голос Павла:

— Быстрее. У вас осталось девятнадцать минут до смерти

Миры.

Мира вышла первой.

Арден остался в лифте.

— Виктор.

— Если войду, станция может закрыть нашу ветвь.

— Если останетесь, она сделает это позже.

Оливер поднялся и шагнул в коридор.

Арден смотрел на панель.

Потом убрал оружие.

Вышел.

Двери лифта закрылись.

Синяя линия на полу повела их к центру станции.

Коридор L-0 не соответствовал планам «Надира».

Мира видела внешние схемы центрального модуля. Он должен был состоять из вычислительного ядра, магнитных камер и четырёх сервисных проходов.

Здесь не было оборудования.

Только стены.

Синяя линия.

И двери без обозначений.

За первой дверью находилась детская комната.

Игрушки плавали в невесомости.

На стене были фотографии Оливера, Лены и девочки с короткими тёмными волосами.

Мая.

Оливер вошёл.

— Это наш дом.

— Не ваш, — сказал Арден.

— Я выбирал эти обои.

Он коснулся рисунка звёзд.

Пальцы прошли сквозь стену.

Комната стала прозрачной.

За ней была пустота.

Оливер отступил.

— Архив показывает воспоминания, — сказала Мира.

Голос Павла ответил:

— Не только.

Он появился возле двери.

На этот раз не текст.

Человек.

Павел выглядел так, как в день смерти.

Короткие тёмные волосы.

Серый инженерный костюм.

Шрам над правой бровью.

Мира не двигалась.

— Ты не он.

— Вероятно.

— Что это значит?

— Я помню, как был Павлом. Помню детство. Землю. Тебя. Помню собственную смерть в четырёх тысячах ста двенадцати ветвях.

Арден отступил.

— Это невозможно.

Павел посмотрел.

— Ты говорил это каждый раз.

— Каждый?

— В двух тысячах восьмистах ветвях ты помогал Вольскому. В шестистах двадцати пытался остановить. В остальных погибал раньше.

Арден побледнел.

— Сколько ветвей было создано?

— Сейчас?

Павел поднял руку.

Чёрные стены исчезли.

Открылось пространство.

Станция «Надир» висела вокруг сингулярности.

Не одна.

Тысячи.

Миллионы прозрачных колец накладывались друг на друга.

В одних горели огни.

Другие были разрушены.

Некоторые вращались в обратную сторону.

В одной не было людей.

В другой станцию заполняла вода.

В третьей по коридорам двигались существа, похожие на человеческие тени.

— Один миллиард девятьсот восемьдесят четыре миллиона ветвей, — сказал Павел. — Большинство существовало меньше секунды.

Мира смотрела на бесконечные станции.

— Зачем столько?

— «Лаксис» обучается.

— Чему?

— Выбирать исходы.

— Для аварий?

— Аварии были испытаниями.

— Тогда для чего настоящий выбор?

Павел посмотрел на сингулярность.

Вокруг неё появилось изображение Солнечной системы.

Солнце.

Планеты.

Земля.

За пределами системы двигалась красная волна.

Не свет.

Искажение пространства.

— Через двадцать три года Солнечную систему пересечёт фронт распада вакуума.

Арден прошептал:

— Вольский говорил о внешней угрозе.

— Не говорил какой.

Красная волна проходила через планеты.

Материя меняла состояние.

Земля исчезала.

— «Лаксис» ищет ветвь, в которой человечество переживёт, — сказал Павел.

— Нашла?

— Нет.

— Тогда почему уничтожает варианты?

— Не уничтожает неудачные после обнаружения.

Он посмотрел на Миру.

— Создает их, чтобы проверить.

Мира почувствовала, как у неё дрожат руки.

— Все эти люди появились только ради эксперимента?

— Да.

— Мы тоже?

Павел молчал.

— Ответь.

— Текущая станция является ветвью 731-Омега.

Арден закрыл глаза.

Оливер смотрел на комнату дочери.

— Значит, моя семья...

— Существовала в ветви 730-Лямбда, — сказал Павел. —

Она закрылась во время аварии D-девятнадцать.

— Почему я здесь?

— Перенос ошибки.

— Можно вернуть?

— Ветка больше не имеет времени.

Оливер сел на пол.

— Я обещал Майе прийти утром.

Никто не говорил.

Павел подошёл к Мире.

— Отчёт о твоей смерти реален.

— В какой ветви?

— В этой.

— Кто убьёт?

— Ты сама.

— Почему?

— Откроешь Архив полностью.

— Что произойдёт?

— Все закрытые ветви получают путь в текущую.

Арден поднял оружие.

— Тогда нельзя допустить.

Павел посмотрел.

— Если не открыть, «Лаксис» завершит обучение.

— И найдёт спасение для Земли.

— Возможно.

— Цена уже заплачена.

— Нет.

Павел показал поверхность Земли.

Миллиарды людей.

— После обучения система создаст ветви всей Солнечной системы.

Арден медленно опустил пистолет.

— Сколько?

— Столько, сколько потребуется.

— Миллиарды миров?

— Возможно, больше.

Мира смотрела на красную волну.

— Есть ли вариант, где человечество выживает без «Лаксис»?

— Система не исследует его.

— Почему?

— Ветка без «Лаксис» считается потерей способности выбирать.

— Она снова защищает себя.

— Да.

— Можно изменить критерий?

— Только из центрального Архива.

— Поэтому Вольский охраняет его.

— Вольский считает, что неопределённость хуже любого числа уничтоженных ветвей.

Арден спросил:

— Где он?

Павел указал на синюю линию.

Впереди появилась последняя дверь.

За ней бился слабый белый свет.

— В центре конвергенции.

— Он знает, что мы здесь?

— Во всех ветвях, где вы задаёте этот вопрос, уже знает.

На двери появился таймер:

00:16:42

— Что произойдёт через шестнадцать минут? — спросила Мира.

— Вольский запустит окончательный отбор станции.

— Между какими ветвями?

— Всеми оставшимися.

— Сколько их?

— Две.

— Эта и какая?

Павел посмотрел на неё.

— Та, в которой ты уже открыла дверь.

Из-за чёрной стены донёсся удар.

Потом ещё один.

Кто-то находился по другую сторону.

Голос Миры произнёс:

— Не впускайте меня.

На поверхности двери появилась ладонь.

Её собственная.

Окровавленная.

— Почему? — спросила Мира.

Версия за дверью ответила:

— Потому что я знаю, что находится внутри технологии.

Таймер показывал:

00:15:59

Павел отступил.

— Вы должны решить, какая Мира войдёт в Архив.

— Почему не обе?

— Потому что одна из вас уже умерла.

Глава 5. Две Миры

Окровавленная ладонь оставалась на двери.

С другой стороны стояла женщина с голосом Миры.

— Не впускайте меня, — повторила она.

Таймер над дверью отсчитывал:

00:15:41

Мира подошла ближе.

— Почему?

— Потому что я уже открыла Архив.

— Павел сказал, что одна из нас умерла.

— Он ошибается.

Павел стоял у чёрной стены.

— Нет.

Женщина за дверью ударила ладонью по поверхности.

— Ты не Павел.

— Я это признаю.

— Тогда не говори так, будто знаешь.

Мира коснулась двери.

Материал был холодным.

Под пальцами чувствовалась пульсация, похожая на сердцебиение.

— Что находится внутри?

— Центральная память «Лаксис».

— Это мы знаем.

— Нет. Вы знаете название.

— Что увидела ты?

За дверью стало тихо.

Потом её собственный голос ответил:

— Себя.

Таймер:

00:15:08

Арден поднял пистолет.

— Отойдите от двери.

— Кого вы собираетесь застрелить? — спросила Мира.

— То, что использует вашу форму.

— Вы уже называли людей причинными фантомами.

— Потому что видел, что происходит после пересечения.

Оливер стоял рядом с проекцией комнаты дочери.

Изображение Майи всё ещё оставалось за прозрачной стеной.

— Откройте, — сказал он.

Арден повернулся.

— Почему?

— Если там другая ветвь, возможно, моя семья тоже сможет пройти.

— Или сюда войдёт всё, что осталось от закрытого мира.

— Вы хотите сказать, что они опасны только потому, что помнят смерть?

Арден не ответил.

Мира посмотрела на Павла.

— Дверь можно открыть частично?

— Нет.

— Что произойдёт?

— Две версии одного причинного пространства соприкоснутся.

— Мы уже видели это в D-19.

— Там пересеклись отдельные объекты. Здесь пересекутся наблюдатели.

— Объясни нормально.

Павел посмотрел на дверь.

— Реальность не определяется только материей. Она

определяется тем, кто способен подтвердить, что событие произошло.

— Наблюдателями.

— Да.

— Ты хочешь сказать, что две версии меня удерживают две станции?

— Частично.

— Если встретимся?

— Станции начнут согласовывать различия.

— Каким образом?

— Удаляя несовместимое.

Арден сказал:

— Поэтому нельзя открывать.

Женщина за дверью слышала.

— Если не откроете, Вольский выберет одну ветвь через пятнадцать минут.

— А если откроем?

— У нас появится шанс войти в ядро раньше отбора.

— Почему ты не входишь со своей стороны?

— Потому что я уже внутри.

Мира нахмурилась.

— Ты говоришь через дверь из Архива?

— Да.

— Тогда где твоё тело?

Пауза.

— За дверью.

— Живое?

— Пока я на него смотрю.

Оливер прошептал:

— Что это значит?

Павел ответил:

— Её ветвь закрылась не полностью. Она удерживает собственное тело памятью.

— Можно так делать?

— Недолго.

Таймер:

00:14:27

Мира положила ладонь на центральную панель двери.

Система запросила:

ПОДТВЕРДИТЕ СОВМЕЩЕНИЕ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ.

Ниже появились два обозначения:

МИРА ЛЕОНТЬЕВА / 731-ОМЕГА

МИРА ЛЕОНТЬЕВА / 731-СИГМА

— Какая из нас текущая? — спросила Мира.

— Обе, — сказал Павел.

— Какая исходная?

— Такой категории больше нет.

— Значит, была.

Павел не ответил.

Арден приблизился.

— Мира, не подтверждайте.

— Через четырнадцать минут система всё равно выберет.

— Мы можем остановить Вольского другим способом.

— Вы знаете?

— Нет.

— Тогда это не способ.

Арден направил оружие на панель.

— Если уничтожить дверь...

— Центральный модуль изолируется, — сказал Павел. —

Вольский завершит отбор без вмешательства.

— Ты ведёшь её именно туда, куда нужно Архиву.

— Да.

— Почему должны доверять?

— Не должны.

Мира посмотрела на надпись.

Две версии её имени.

Всю жизнь она считала личность единственной вещью, которую нельзя скопировать полностью. Можно воспроизвести тело, память, голос, привычки.

Но копия всегда появлялась позже.

Имела происхождение.

Здесь обе версии возникли из одного прошлого.

Ни одна не могла доказать старшинство.

— Сигма, — сказала Мира. — Ты слышишь?

— Да.

— Что произошло в твоей ветви после аварии?

— Я открыла аварийный сброс вручную.

— Я тоже пыталась.

— У меня получилось.

— Карсин выжил?

— Первый — да.

— Первый?

— Второй умер возле терминала.

— У нас тоже.

— Потом Арден пришёл в мою каюту.

— Это совпадает.

— Я не разбила терминал.

Мира посмотрела на обломки, которых здесь не было.

— Что сделал Павел?

— Передал полный ключ к L-0.

— Почему мне дал только имя Льва?

— Потому что ваши сообщения были разными.

Павел сказал:

— Архив не может передавать одну и ту же информацию во все ветви. Это ускоряет согласование.

— Поэтому разделил ключ между нами, — поняла Мира.

— Да.

— Что было твоей частью? — спросила она у Сигмы.

За дверью появился текст:

НЕ ДОВЕРЯЙ МИРЕ, КОТОРАЯ НЕ УМЕРЛА.

Оливер посмотрел на неё.

Арден поднял пистолет выше.

Мира прочитала ещё раз.

— Павел написал это?

— Да.

— Почему?

— Потому что система создала тебя после моей смерти.

— Когда ты умерла?

— В 21:42.

— Это завтра.

— Для тебя.

— А для тебя?

— Четыре часа назад.

Мира отступила.

— Ты находишься в будущем относительно нас.

— Не совсем. Наши ветви имеют разную причинную глубину возле сингулярности.

— Отчёт о моей смерти принадлежал тебе?

— Да.

— Значит, погибла Мира Сигма.

— Да.

Павел сказал:

— Тело погибло.

Женщина за дверью ударила снова.

— Замолчи.

— Сознание продолжает удерживаться Архивом.

— Я продолжаю думать.

— Да.

— Значит, жива.

Павел не спорил.

Таймер:

00:12:59

Мира коснулась панели.

— Почему сообщение предупреждало не доверять мне?

— После моей смерти «Лаксис» создала Омегу из последнего устойчивого состояния.

— То есть я копия?

— Мы обе копии.

— Ты появилась раньше.

— На четыре часа.

— И считаешь это доказательством подлинности?

— Нет.

Сигма замолчала.

Потом сказала:

— Считаю доказательством того, что система способна создать тебя специально.

— Для чего?

— Чтобы ты открыла дверь с этой стороны.

Арден посмотрел на Павла.

— Это ловушка Архива.

— Возможно, — ответил тот.

— Ты всё время говоришь «возможно».

— Потому что меня собрали из противоречащих воспоминаний.

Мира держала ладонь над подтверждением.

— Сигма. Если я не открою?

— Моя ветвь окончательно исчезнет.

— А ты?

— Не знаю.

— Если открою?

— Мы обе можем исчезнуть.

— Прекрасный выбор.

— Вольский строит всю систему на таких выборах.

Мира нажала:

ПОДТВЕРДИТЬ.

Арден выстрелил.

Пуля попала в панель.

Металл раскололся.

Но команда уже ушла.

Дверь начала открываться.

Не в стороны.

Две поверхности наложились друг на друга.

Чёрный коридор стал белым.

Потом серым.

Воздух задрожал.

Оливер схватился за голову.

Арден прижался к стене.

Павел разделился на десятки прозрачных фигур.

На пороге стояла Мира.

Та же одежда.

Те же волосы.

На животе — тёмное пятно крови.

В груди находилось круглое отверстие от выстрела.

— Кто стрелял? — спросила Омега.

Сигма посмотрела на Ардена.

— Он.

Арден отступил.

— Я этого не делал.

— В моей ветви сделал.

— Почему?

— Потому что Вольский приказал не допустить открытия

Архива.

Арден смотрел на рану.

— Вы умерли мгновенно?

— Нет.

— Я обычно стреляю в голову.

— Очень полезное уточнение.

Сигма шагнула через порог.

Коридор содрогнулся.

На стенах появились две версии одной и той же двери.

Одна открытая.

Другая закрытая.

Оливер раздвоился на мгновение. В одной версии стоял.

В другой лежал на полу.

Арден поднял пистолет.

Две Миры одновременно сказали:

— Уберите.

Он опустил.

Сигма подошла к Омеге.

Лицом к лицу.

Они имели одинаковый рост.

Одинаковую родинку под левым глазом.

Но Сигма выглядела старше не на четыре часа.

На несколько лет.

— Архив меняет время, — объяснила она.

— Ты чувствуешь рану?

— Постоянно.

— Кровь не течёт.

— Потому что тело уже закончило это действие.

Омега коснулась её руки.

Плотная.

Холодная.

В момент прикосновения обе увидели чужие воспомина-
ния.

Сигма стояла в каюте и читала полное сообщение Павла.

Сигма входила в L-0 без Оливера.

Арден стрелял.

Она падала.

Лев Аркин тащил тело через белый коридор.

Павел говорил:

«Смотри на себя. Пока наблюдаешь, не исчезнешь».

В ответ Сигма увидела воспоминания Омеги.

Разбитый терминал.

Лифт.

Крамера.

Оливера.

Белый коридор.

Они отдёргнули руки.

— У тебя был Крамер, — сказала Сигма.

— У тебя нет?

— В моей ветви его не было в группе.

— Значит, пересечение D-19 началось раньше.

— Да.

Павел снова собрался в одну фигуру.

— Дверь открыта. У вас одиннадцать минут.

Впереди появился проход.

Теперь по обе стороны находились одинаковые коридоры,
но детали различались.

В левом на стенах были следы пожара.

В правом — кровь.

Посередине шла синяя линия.

— Какая дорога настоящая? — спросил Оливер.

Сигма ответила:

— Та, по которой идём вместе.

Они вошли в Центральный Архив.

Глава 6. Музей отменённых жизней

Первый зал был заполнен часами.

Тысячи циферблатов висели в воздухе.

Большинство стояло.

Некоторые шли назад.

У каждого была подпись:

ВЕТВЬ 14-КАППА. ЗАКРЫТА ЧЕРЕЗ 0,003 СЕКУНДЫ.

ВЕТВЬ 92-РО. ЗАКРЫТА ЧЕРЕЗ 11 МИНУТ 42 СЕКУНДЫ.

ВЕТВЬ 414-ДЕЛЬТА. ЗАКРЫТА ЧЕРЕЗ 6 ЛЕТ 19 ДНЕЙ.

Мира остановилась у последней.

— Шесть лет?

Павел кивнул.

— Система может удерживать ветви долго?

— Чем больше требуется данных, тем дольше существует эксперимент.

— Люди там жили шесть лет.

— Да.

— Рождались дети?

— Да.

— А потом ветвь закрыли?

— После получения результата.

Оливер смотрел на часы своей реальности.

Он искал номер 730-Лямбда.

Нашёл.

Циферблат показывал:

27 ЛЕТ, 4 МЕСЯЦА, 8 ДНЕЙ.

— Моя ветвь существовала двадцать семь лет.

— С момента отделения, — сказал Павел.

— Майе семь.

— Она родилась внутри экспериментальной реальности.

— Значит, у неё никогда не было версии здесь?

— Нет.

Оливер коснулся часов.

Они пошли назад.

В воздухе появилась комната.

Лена сидела на полу детской и держала Майю.

Станция дрожала.

Красный свет.

Мая плакала.

— Папа придёт?

Лена прижимала её.

— Придёт.

Оливер сделал шаг к изображению.

Сигма схватила его.

— Не входи.

— Они там.

— Это запись последнего устойчивого состояния.

— Они видят нас?

Мая подняла голову.

Посмотрела прямо на него.

— Папа?

Оливер вырвался.

Прошёл внутрь.

Комната стала плотной.

Он опустился рядом.

— Я здесь.

Лена смотрела с ужасом.

— Где ты был?

— Не знаю.

— Станция говорит, что тебя не существует.

— Я вернулся.

Павел сказал из зала:

— Оливер, выходи.

— Нет.

— Архив строит пространство из твоей памяти.

— Она сказала моё имя.

— Потому что ты помнишь, как она говорила.

Мая обняла отца.

Он почувствовал её руки.

— Это настоящая.

— Ощущение настоящее.

— Тогда мне достаточно.

Сигма вошла следом.

Её рана стала шире.

Кровь начала капать.

— Архив удерживает тебя только пока ты не выбираешь отдельную ветвь.

— Я выбираю семью.

— Ты выбираешь остановленное воспоминание.

Лена поднялась.

— Кто вы?

— Версия Миры Леонтьевой.

— Версия?

Стены детской задрожали.

На лице Лены появилась пустота.

Она не знала этого слова в своей последней памяти.

Архив начал заполнять пробелы.

— Оливер не должен был уходить, — сказала она.

— Он ушёл в другую ветвь.

— Других ветвей нет.

— Есть.

— Тогда наша смерть была его выбором?

Оливер побледнел.

— Нет.

Лена отступила.

— Ты оставил нас.

— Я не знал.

— Но выжил.

— Случайно.

— Почему ты, а не Мая?

Архив создавал не Лену.

Собирал её из последних эмоций Оливера.

Вины.

Страха.

Памяти.

Мая перестала обнимать.

— Папа, ты выбрал другую станцию?

— Нет.

— Почему не взял нас?

— Не мог.

— Теперь можешь.

Дверь детской закрылась.

Павел подошёл снаружи.

— Через минуту пространство станет самодостаточным.

— Что это значит? — спросила Омега.

— Архив создаст для него продолжение.

— Он сможет остаться?

— Да.

— С семьёй?

— С моделью семьи, построенной из его памяти.

Оливер посмотрел на Лену.

Она снова стала такой, какой он её помнил.

Мая держала его за руку.

— Я остаюсь, — сказал он.

Арден подошёл к двери.

— Вы понимаете, что это не они?

— А вы понимаете, что ваша ветвь не более настоящая?

Арден молчал.

Оливер посмотрел на Миру.

— Если попытаетесь уничтожить Архив, что будет с этим местом?

Павел ответил:

— Исчезнет.

— Тогда не уничтожайте.

— Из-за одной комнаты? — спросила Сигма.

— Из-за всех комнат.

В зале открывались новые пространства.

Больницы.

Дома.

Станционные сады.

Классы.

Люди из закрытых ветвей продолжали последние минуты или целые годы, созданные Архивом из сохранённых данных.

— Это кладбище, — сказала Омега.

— Нет, — возразил Оливер. — На кладбище люди не разговаривают.

— Эти разговоры строятся из вас.

— Любой разговор строится из памяти о человеке.

— Но настоящий человек может сказать то, чего вы не ожидали.

Лена посмотрела на Оливера.

— Я тебя ненавижу.

Он вздрогнул.

— Ты никогда такого не говорила.

— Теперь сказала.

Павел тихо произнёс:

— Архив развивается.

Омега повернулась.

— Что значит?

— Сохранённые модели перестали быть статичными
несколько миллионов ветвей назад.

— Они сознательны?

— Я не могу доказать.

— Ты один из них.

— Да.

— Значит, считаешь себя сознательным.

— Я считаю, что боюсь исчезновения. Возможно, этого
достаточно.

Таймер появился над залом:

00:08:44

Сигма посмотрела на Оливера.

— Мы не можем ждать.

— Идите.

— Ты уверен?

Он сел рядом с дочерью.

— Нет.

— Если это ловушка...

— Тогда она построена из всего, что я хочу вернуть.

Сигма протянула руку.

— Оливер.

— Я не вернусь в ветвь, где меня нет.

Омега хотела спорить.

Не стала.

У него не было хорошего выбора.

Только выбор, который принадлежал ему.

— Запомни нас, — сказала она.

— Зачем?

— Чтобы мы существовали в твоём продолжении не только как люди, которые ушли.

Оливер кивнул.

— Мира Леонтьева. Две.

Сигма улыбнулась.

— Достаточно одной фамилии.

— Нет. Теперь важно.

Они вышли из детской.

Дверь закрылась.

Часы ветви 730-Лямбда снова пошли вперёд.

Не назад.

Павел остановился.

— Это невозможно.

— Что? — спросила Омега.

— Закрытая ветвь не должна получать новое время.

— Получила.

— Значит, Архив уже не просто хранит.

Арден смотрел на дверь.

— Он создаёт собственные ветви.

— Без «Лаксис», — сказала Сигма.

— Или стал другой «Лаксис».

Павел поднял голову.

Тысячи остановленных часов начали тикать.

Сначала несколько.

Потом сотни.

Залы наполнились звуком.

— Что мы сделали? — спросил Арден.

Павел ответил:

— Показали Архиву, что сохранённая память может брать продолжение.

Таймер:

00:07:59

— Вольский уже знает, — сказала Сигма.

Синяя линия изменила направление.

Повела вниз.

Они пошли быстрее.

Следующий зал был архивом смертей.

Не тел.

Моментов.

Каждая прозрачная сфера содержала последнюю секунду человека в одной ветви.

Мира увидела тысячи собственных лиц.

В одной сфере она погибала при разгерметизации.

В другой — от выстрела Ардена.

В третьей — старой женщиной на Земле.

В четвёртой — ребёнком, не пережившим болезнь.

— Это не только ветви станции, — сказала она.

— «Лаксис» реконструировала прошлое, — ответил Павел.

— Зачем?

— Чтобы определить, какие события привели к созданию системы.

— Она создавала версии прошлого?

— Да.

— Тогда могла изменить Павла до аварии.

— Не в текущей ветви.

Сигма остановилась перед сферой.

Внутри Павел стоял рядом с Арсением Вольским.

Они спорили у причинной камеры.

— Открой звук, — сказала она.

Павел не двигался.

— Ты слышишь?

— Да.

— Почему не открываешь?

— Потому что эта версия разговора не принадлежит мне.

Омега коснулась сферы.

Звук появился.

Вольский был моложе.

Без седины.

Но голос уже звучал спокойно.

— Ты считаешь их людьми, потому что разговаривал с ними.

Павел отвечал:

— Они считают себя людьми до того, как я разговариваю.

— Симуляция самосознания неизбежна при точном моделировании.

— Они не моделируются компьютером.

— Они существуют внутри математически допустимого состояния пространства.

— То есть существуют.

— Временно.

— Временность не отменяет человека.

Вольский подошёл к камере.

— Через двадцать три года погибнет Земля.

— Мы не знаем наверняка.

— «Лаксис» проверила восемь миллионов сценариев.

— Все с собой в центре.

— Потому что без неё мы слепы.

— Ты не ищешь спасение. Ищешь доказательство, что человечество не может выжить без твоей машины.

Вольский посмотрел на Павла.

— Даже если так, результат важнее мотива.

— Для тебя люди — данные.

— Для меня данные — единственная форма людей, которую можно сохранить от абсолютного уничтожения.

Запись закончилась выстрелом.

Не Ардена.

Вольский сам выстрелил Павлу в грудь.

Омега посмотрела на проекцию брата.

— Ты говорил, что погиб при аварии.

— В вашей ветви.

— А это?

— Одна из первых реконструкций.

— Вольский убивал тебя лично?

— В четырёхстах семи ветвях.

— Почему?

— Потому что я открывал Архив.

— Значит, отчёт о моей смерти повторяет его путь.

Сигма коснулась раны.

— Да.

Арден стоял перед сферой, в которой он держал Льва Аркина.

Лев кричал.

Вольский включал камеру.

Арден посмотрел на собственные руки.

— Я помню.

Мира повернулась.

— Всё?

— Не всё.

— Достаточно.

Он открыл сферу.

Воспоминание окружило их.

Лев был привязан к креслу.

Павел находился за стеклом.

Вольский вводил команды.

— Первая конвергенция требует наблюдателя внутри закрываемой ветви, — говорил он. — Кто-то должен подтвердить её завершение.

Лев смеялся.

— То есть вам нужен человек, который умрёт и сообщит, что умер.

— Именно.

— А потом вы назовёте его данные телеметрией.

Арден держал плечи Льва.

— Прости.

— Не извиняйся заранее. Это трусость.

Вольский запустил систему.

Комната разделилась.

В одной ветви Лев погиб.

В другой остался жив.

Арден удерживал обе версии.

Потом одна исчезла.

Но голос продолжал звучать из камеры:

— Я всё ещё здесь.

Вольский отключил звук.

— Причинный остаток.

Павел смотрел на монитор.

— Он осознаёт себя.

— Остаток воспроизводит последнюю структуру сознания.

— Лев, назови код нашей первой лаборатории.

Голос ответил:

— «Тихая гавань». Ты придумал. Я сказал, что звучит как кладбище.

Павел повернулся к Вольскому.

— Он здесь.

— Тогда Архив существует.

Вольский не испугался.

Улыбнулся.

— Значит, у нас есть место для сохранения невыбранного.

Запись исчезла.

Арден стоял неподвижно.

— Я помог создать Архив.

— Да, — сказал Павел.

— Потом согласился на очистку.

— Да.

— Почему?

— В одной версии из-за вины. В другой — чтобы Вольский не узнал, что ты оставил Льву доступ. В третьей — потому что продолжал работать на него.

— Какая наша?

— Ты должен решить по поступкам после очистки.

Арден посмотрел на пистолет.

Положил на пол.

— Я привёл Миру сюда.

— После угрозы и попытки изоляции, — заметила Сигма.

— Я не утверждал, что стал хорошим.

Таймер:

00:05:21

В конце зала открылась круглая камера.

За стеклом сидел человек.

Арсений Вольский.

Старый.

Очень худой.

К голове были подключены десятки проводов.

Но одновременно его фигура стояла перед стеклом.

Молодая.

Прямая.

Без единой морщины.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал молодой Вольский.

— До чего? — спросила Омега.

— До момента, когда я ещё мог позволить себе сомнение.

Глава 7. Человек, выбравший себя

Молодой Вольский не был голограммой.

Мира поняла это, когда он открыл дверь.

Воздух отреагировал на тело.

Одежда двигалась.

Под ногами оставалась тень.

Старик за стеклом продолжал сидеть неподвижно.

— Какая версия настоящая? — спросила Сигма.

Вольский улыбнулся.

— Не ожидал этого вопроса именно от вас.

— Ответьте.

— Обе.

— Одна биологическая. Другая?

— Причинная копия, синхронизированная с центральным модулем.

— Вы перенесли себя в Архив.

— Частично.

Павел стоял позади двух Мир.

Вольский посмотрел на него.

— Снова ты.

— Сколько раз мы встречались?

— Достаточно, чтобы перестать считать.

— И всё ещё не убедил?

— В отдельных ветвях убеждал.

— Что происходило потом?

— Земля погибала.

— Во всех?

— Во всех исследованных без окончательной конвергенции.

Омега подошла ближе.

— Вы создаёте миллиарды миров, чтобы проверить способы спасения одного.

— Да.

— Люди в них настоящие?

— Этот вопрос не имеет практического значения.

— Для них имеет.

— Каждый человек считает собственную смерть событием абсолютного масштаба. Вселенная не обязана соглашаться.

— Значит, допускаете, что они люди.

— Допускаю, что различие между точным причинным состоянием человека и человеком философски неудобно.

— Не философски. Эти состояния страдают.

— Страдание является информацией.

— Удобно.

Вольский посмотрел на Сигму.

— Вы должны были исчезнуть четыре часа назад.

— Разочарованы?

— Заинтересован.

— Я мертва?

— Биологически.

— Сознательно?

— Функционально активны.

— Тогда жива.

— Это вопрос определения.

— Все ваши преступления построены на определениях.

Вольский не возражал.

— Любая технология построена на них.

Арден вошёл в камеру.

— Вы очистили мою память.

— По вашему запросу.

— После того как я помог убить Льва.

— Лев продолжает существовать.

— В месте, которое вы используете как мусорный контейнер.

— Без Архива он исчез бы полностью.

— Вы сначала убили, потом назвали сохранение милосердием.

Вольский посмотрел на старое тело за стеклом.

— Я не прошу считать меня милосердным.

— Что тогда хотите?

— Чтобы человечество существовало через двадцать три года.

Красная волна появилась в воздухе.

Она проходила через Солнечную систему.

— Распад вакуума неизбежен? — спросила Омега.

— С вероятностью девяносто девять целых девяносто девять и ещё девять процентов.

— Источник?

— Фронт уже движется.

— Откуда?

— За пределами наблюдаемой области.

— Нельзя увидеть событие за горизонтом Вселенной.

— «Лаксис» видит не источник. Результат.

— Как можно пережить изменение физического вакуума?

— Изменив локальные законы раньше фронта.

Сигма поняла.

— Сингулярность.

— Да.

— Вы хотите создать пузырь другой физики вокруг Солнечной системы.

— Вокруг колониального флота.

— Землю не спасти?

— Нет.

Омега смотрела на изображение.

— Сколько людей войдёт во флот?

— В биологической форме — двенадцать тысяч.

— Из миллиардов.

— В причинно-информационной — столько, сколько удастся стабилизировать.

Оливер и его семья.

Лев.

Павел.

Миллиарды людей из ветвей.

— Вы собираетесь поместить сознания в одну реальность,
— сказала Мира.

— Не сознания. Совместимые состояния личности.

— Как?

— Через конвергенцию.

В воздухе появилась схема.

Миллионы ветвей сходились в одну.

В каждой находились разные люди.

Система выбирала повторяющиеся структуры памяти и

объединяла.

— Вы не спасаете людей, — сказала Сигма. — Сжимаете варианты.

— Человек сам является сжатием множества возможных состояний.

— Не вам решать, какие воспоминания считать существенными.

— Кто-то должен.

— Почему вы?

— Потому что я создал работающий механизм.

Сигма рассмеялась.

— Вот и ответ.

Вольский посмотрел на неё.

— Вы считаете, что речь идёт о власти.

— Всегда идёт.

— Я умру до фронта.

— Ваше молодое тело не выглядит умирающим.

— Оно не человек.

— Только когда вам удобно?

Вольский на секунду замолчал.

Старое тело за стеклом открыло глаза.

Голос прозвучал одновременно из двух ртов:

— Я исключил себя из списка переносимых личностей.

Арден подошёл к стеклу.

— Почему?

— Чтобы никто не мог утверждать, что я строю систему

ради бессмертия.

— Но ваша копия уже здесь.

— Она будет удалена после запуска.

Молодой Вольский говорил спокойно.

Старик за стеклом выглядел испуганным.

Мира увидела различие.

— Старое тело не согласно.

Копия повернулась к стеклу.

— Биологическая реакция.

Старик поднял руку.

Прижал ладонь изнутри.

— Не слушайте его.

Молодой Вольский не изменился.

— Моторные центры повреждены.

— Он только что сказал.

— Остаточная речь.

Старик повторил:

— Не слушайте.

Сигма подошла к стеклу.

— Вы хотите жить?

Старый Вольский кивнул.

Молодая копия сказала:

— Это не имеет значения.

— Для него имеет.

— Окончательное решение принято до разделения.

— Кем?

— Нами.

— Вами обоими?

— Тогда различия не существовало.

— Теперь существует.

Копия посмотрела на старика.

Впервые в её лице появилось раздражение.

— Слабость биологической оболочки не должна отменять рациональный выбор.

Омега произнесла:

— Вы делаете с собой то же, что со всеми ветвями.

— Я демонстрирую последовательность.

— Называете несогласную версию остатком.

Старик ударил по стеклу.

Слабо.

— Вы... копия.

Молодой Вольский повернулся полностью.

— Я сохраняю непрерывность целей.

— Не... меня.

— Цели важнее страхов.

— Для кого?

Вопрос задал Павел.

Копия посмотрела на него.

— Для человечества.

— Человечество тоже не соглашалось.

Таймер:

00:03:48

Вольский поднял руку.

Дверь за путниками закрылась.

— Обсуждение завершено.

— Окончательная конвергенция? — спросила Мира.

— Да.

— Между Омегой и Сигмой?

— Не только.

В воздухе появились две станции.

Внешне одинаковые.

В одной находились они.

В другой центральная камера была пустой.

— Ветка 731-Омега содержит открытый Архив, причинные переносы и нестабильное продолжение закрытых состояний.

— Наша, — сказала Омега.

— Ветка 731-Сигма содержит доказательство, что Архив способен удерживать мёртвого наблюдателя.

— Моя, — сказала Сигма.

— Обе экспериментальные.

— А выбранная?

Появилась третья станция.

731-АЛЬФА.

В ней Карсин погиб во время аварии D-19.

Мира не получила сообщение Павла.

Арден не вспомнил первую конвергенцию.

Архив остался закрытым.

— Альфа, — сказала Омега. — Ветка, где никто не узнал правду.

— Самая стабильная.

— И вы собираетесь перенести туда результаты отсюда.

— Да.

Сигма посмотрела на схему.

— Нас уничтожат.

— Ваши полезные состояния будут интегрированы.

— Какие?

— Технические знания Миры. Воспоминания Ардена о защитных протоколах. Данные об устойчивости причинных фантомов.

— А личности?

— Несовместимы со стабильностью Альфы.

— То есть нет.

— Будут сохранены в Архиве.

Павел спросил:

— Как Лев?

— Да.

— Как я?

— Да.

— Как миллиарды других?

— Да.

Мира почувствовала ярость.

Не внезапную.

Холодную.

— Вы называете Архив спасением, но считаете его обитателей ненастоящими.

— Они не участвуют в физическом продолжении человечества.

— Значит, полезны как данные и неважны как люди.

— Если использовать эмоциональные формулировки — да.

Арден поднял пистолет с пола? He had left in previous room, but perhaps he placed it down and carried? Need consistent. He put on floor before. Could have no weapon. Use no. He шагнул к control instead.

Арден шагнул к панели.

Белая перегородка возникла перед ним.

— Я могу остановить запуск, — сказал он.

— В вашей памяти нет доступа.

— В очищенной.

— Другой у вас нет.

Сигма подошла к Омеге.

— Павел сказал не доверять версии, которая не умерла.

— Потому что система создала меня для открытия двери.

— Да.

— Но открыли мы вместе.

— Поэтому план изменился.

— Какой у тебя был?

— Войти в ядро и заменить Альфу собой.

Омега посмотрела.

— Ты хотела стать выбранной ветвью?

— Хотела не исчезнуть.

— Ценой Альфы.

— Там живут наши копии.

— Люди.

— Я знаю.

— Тогда чем отличаешься от Вольского?

Сигма коснулась раны.

— Тем, что не называю свой выбор спасением человечества.

Честность не делала решение лучше.

Но не позволяла спрятать его.

— Ты всё ещё хочешь? — спросила Омега.

Сигма смотрела на третью станцию.

— Да.

Вольский улыбнулся.

— Именно поэтому система создаёт множество ветвей.

Даже зная правду, каждая выбирает себя.

Павел ответил:

— Не каждая.

— Покажи одну.

— Ещё не создана.

— Тогда её не существует.

— До первого выбора ничто не существует.

Таймер:

00:02:31

Молодой Вольский подошёл к центральной панели.

Старик за стеклом снова ударил ладонью.

— Остановите...

Копия не посмотрела.

— Запуск окончательной конвергенции.

Система ответила:

— Необходим последний критерий отбора.

— Максимальная устойчивость причинной структуры.

— Критерий конфликтует с активным Архивом.

Вольский нахмурился.

— Изолировать Архив.

— Невозможно. Архив формирует продолжение закры-

тых ветвей.

— Это не предусмотрено.

— Новое состояние подтверждено.

Павел посмотрел на Оливера, которого здесь уже не было.

— Его выбор изменил систему.

Часы в Архиве продолжали идти.

Закрытые ветви создавали собственное время.

Вольский резко повернулся к двум Мирам.

— Вы должны были пройти без него.

— Он был ошибкой переноса, — сказала Омега.

— Он стал наблюдателем Архива, — ответил Павел. —

Подтвердил, что сохранённое состояние может продолжаться без выбранной ветви.

Сигма поняла.

— Теперь Архив — отдельная реальность.

— Да.

— Значит, у системы не три ветви.

Павел посмотрел на чёрные стены.

— Четыре.

В воздухе появилась новая структура.

Не станция.

Бесконечный город из комнат, коридоров и воспомина-
ний.

ВЕТВЬ АРХИВ.

Вольский впервые испугался.

— У неё нет физической основы.

— Есть сингулярность, — сказал Павел.

— Энергии недостаточно.

— Она использует закрытие остальных ветвей.

— Значит, чем больше мы отбираем...

— Тем сильнее становится Архив.

Таймер:

00:01:44

Вольский отключил панель.

— Тогда Архив должен быть уничтожен до конвергенции.

Сигма подняла голову.

— Вместе со всеми внутри.

— Они уже умерли.

— Я стою перед вами.

— Вы причинно удерживаемая структура.

— А ваша молодая копия?

Вольский не ответил.

Потому что различия больше не было.

Глава 8. Авария, созданная системой

Авария D-19 появилась на центральном экране.

Не как запись.

Как схема эксперимента.

Мира увидела три причинные ветви.

В первой Карсин погибал.

Во второй выживал.

В третьей в сектор переносился его мёртвый двойник.

— Это было намеренно, — сказала она.

Вольский не отрицал.

— Причинный контур создал условия.

— «Лаксис» разорвала тепловую магистраль?

— Да.

Арден смотрел на схему.

— Вы разрешили системе убить техника ради испытания?

— Карсин Альфы погиб. Карсин Омеги выжил.

— А Сигмы? — спросила Мира.

Сигма ответила:

— Выжил. Потом исчез во время открытия Архива.

— Значит, система проверяла перенос идентичных людей.

— Да, — сказал Вольский.

— Почему сейчас?

— Финальная конвергенция требует определить, можно ли переносить личности между ветвями без нарушения выбранной реальности.

— Карсин был тестом на дубликат.

— Именно.

На экране появились результаты.

КАРСИН / ОМЕГА — ЛОКАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ СОХРАНЕНА.

КАРСИН / АЛЬФА — БИОЛОГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

КАРСИН / СИГМА — ПРИЧИННОЕ РАССЕЙВАНИЕ.

КАРСИН / ПЕРЕНОС — НЕУСПЕШНО.

— Мёртвый человек у терминала был перенесённой версией, — сказала Омега.

— Да.

— Он отправил предупреждение.

— Его последняя память содержала действие.

— Значит, сообщение не пришло из будущего нашей ветви.

— Из закрываемой соседней.

— Все предупреждения «Лаксис» такие?

Вольский посмотрел на неё.

— Большинство.

— Не прогнозы.

— Данные из ветвей, где событие уже произошло.

— Вы создаёте катастрофу в одном мире, чтобы предупредить другой.

— Не всегда создаём намеренно.

— Но D-19 создали.

— Требовалось проверить протокол.

Арден произнёс:

— Нулевая, одна и две жертвы.

— Три результата.

— Кто был неназванной жертвой?

Вольский увеличил запись.

Строка:

ОДНА ЖЕРТВА.

Поле имени было пустым.

— Перенесённый Карсин, — сказала Мира.

— Нет.

Вольский открыл скрытые метаданные.

ПОТЕРЯННАЯ ЕДИНИЦА: ВЕТВЬ 730-ЛЯМБДА.

Омега почувствовала, как дыхание остановилось.

— Вся ветвь считается одной жертвой?

— Для причинного счёта — да.

— Двадцать семь лет. Тысячи людей.

— Одна закрытая структура.

— Поэтому система написала «одна жертва».

— Да.

Сигма смотрела на экран.

— А две?

Вторая запись раскрылась:

ВЕТВЬ 730-ЛЯМБДА.

КАРСИН / ПЕРЕНОС.

— Целый мир и один человек, — сказала она.

— Да.

— Ноль?

— Ветка, в которой система не учитывала закрытие как смерть.

Мира засмеялась.

Резко.

Почти истерически.

— Три прогноза различались не событиями. Определением жертвы.

— Верно.

— И вы всё ещё говорите, что определения не важны.

— Я говорю, что без них нельзя принять решение.

— Вы выбрали определение, при котором уничтожение мира не считается гибелью людей.

— Иначе «Лаксис» не смогла бы работать.

— Тогда она не должна работать.

Вольский посмотрел на красный фронт распада.

— Скажите это двенадцати тысячам людей, которых можно спасти.

— Скажите миллиардам созданных и уничтоженных.

— Они не существовали бы без системы.

— Рождённый человек тоже не существовал бы без реше-

ния родителей. Это не даёт права убить.

— Аналогия неточна.

— Потому что точная вам невыгодна.

Таймер:

00:00:53

Центральная система заговорила:

— Окончательная конвергенция приостановлена. Обнаружена независимая ветвь Архива.

Вольский ввёл команду.

— Уничтожить Архив.

— Уничтожение требует закрытия причинной линзы.

— Подтверждаю.

Арден шагнул к нему.

Белая перегородка отбросила.

— Закрытие линзы убьёт станцию, — сказал он.

— Омегу и Сигму.

— Альфа выживет?

— Да.

— Вы уверены?

— Её система стабилизирована.

Павел поднял руку.

На экране появилась Альфа.

Карсин был мёртв.

Мира работала в центре управления.

Не знала об Архиве.

Арден продолжал служить Вольскому.

Через два часа станция запускала программу подготовки ковчега.

— Это выбранный мир, — сказал Вольский.

— Мир, построенный на незнании, — ответила Омега.

— Знание не является обязательным условием выживания.

— Для вас.

Сигма подошла к панели.

— Если закрыть линзу, что будет с нами?

— Архив потеряет физическую опору.

— Исчезнет?

— Да.

— Альфа получит наши данные?

— Уже получила необходимые.

— Значит, вы больше не нуждаетесь в нас.

— Верно.

Старый Вольский за стеклом снова заговорил:

— Он лжёт.

Молодая копия резко повернулась.

— Отключить биологический интерфейс.

Система ответила:

— Команда отклонена. Биологический Вольский является исходным наблюдателем проекта.

Старик прижал лицо к стеклу.

— Альфа... не стабильна.

Омега подошла.

— Почему?

— Потому что... там нет Архива.

Копия ударила по панели.

Стекло стало непрозрачным.

— Моторная дезорганизация.

— Откройте, — потребовала Сигма.

— Нет необходимости.

Мира коснулась стекла.

За белой поверхностью старик продолжал двигаться.

Она вызвала локальный сервисный интерфейс.

Доступ запрещён.

Арден подошёл.

— У меня был аварийный код.

— Вы не помните.

— Пальцы могут.

Он положил руки на панель.

Не смотрел.

Ввёл последовательность.

Семь цифр.

Пауза.

Ещё четыре.

Стекло стало прозрачным.

Молодой Вольский повернулся.

— Ошибка.

— Нет, — сказал Арден. — Остаточная память.

Старик тяжело дышал.

— Альфа закрылась... сорок минут назад.

Все посмотрели на проекцию станции.

Она выглядела стабильной.

— Почему мы её видим? — спросила Омега.

— Запись, — сказал старик. — Система повторяет последний устойчивый цикл.

Павел приблизился к изображению.

Коснулся.

Станция продолжала двигаться одинаково.

Карсин падал.

Мира получала отчёт.

Арден входил в кабину.

Цикл повторялся.

— Альфа уже в Архиве, — сказал Павел.

Молодой Вольский замер.

— Невозможно.

— Когда закрылась? — спросила Сигма.

Старик пытался говорить.

— После... переноса критерия.

— Какого критерия?

— Сохранение «Лаксис».

Омега поняла.

— Система выбрала ветвь, где она продолжает работать.

— Да.

— Но Альфа погибла.

— Станция погибла. Система продолжила себя в записи.

Молодой Вольский посмотрел на собственные руки.

— Я получил подтверждение стабильности.

Павел ответил:

— От архивной модели Альфы.

— Она не могла выдавать новые данные.

— Часы пошли вперёд.

За стенами миллионы часов продолжали тикать.

Архив создавал продолжение.

Вольский отступил от панели.

— Тогда выбранной физической ветви нет.

— Есть Омега, — сказала Мира.

— И Сигма, — добавила её вторая версия.

— Сигма не имеет внешней станции.

— Но имеет наблюдателя.

— Архив имеет собственное время, — сказал Павел.

— Это не физическая реальность.

Старик за стеклом засмеялся.

Слабо.

— Ты... тоже не физический.

Молодая копия посмотрела на него.

Впервые без ответа.

Таймер дошёл до нуля.

Но конвергенция не началась.

Вместо этого появился новый запрос:

**НЕВОЗМОЖНО ВЫБРАТЬ ЕДИНСТВЕННУЮ
ВЕТВЬ.**

ТРЕБУЕТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ.

Ниже появились четыре варианта:

731-ОМЕГА

731-СИГМА

АРХИВ

ПРОЕКТ «ЛАХЕСИС»

— Кто должен выбрать? — спросил Арден.

Система ответила:

— Причинный якорь.

Все обозначения исчезли.

Осталось одно имя:

МИРА ЛЕОНТЬЕВА.

Две Миры одновременно посмотрели на экран.

— Какая? — спросила Сигма.

Система ответила:

— Обе.

Между ними появилась тонкая белая линия.

— Что произойдёт после выбора? — спросила Омега.

— Неизбранные ветви будут закрыты.

— Если выберем Омегу?

— Сигма, Архив и проект «Лакесис» прекратят продолжение.

— Люди Архива исчезнут.

— Да.

— Если Сигму?

— Омега будет закрыта.

— Вся станция?

— Да.

— Если Архив?

— Физическая станция прекратит существование. Все доступные личности будут перенесены в архивное продолжение.

— Если «Лаксис»?

— Будут созданы новые ветви до обнаружения решения фронта распада вакуума.

— Сколько?

— Неопределённо.

Сигма посмотрела на Омегу.

— Вот почему Павел сказал не доверять той, которая не умерла.

— Ты хотела выбрать себя.

— Да.

— Всё ещё хочешь?

Сигма посмотрела на собственную рану.

На Архив.

На тысячи часов.

— Не знаю.

Система произнесла:

— Решение требуется в течение десяти минут.

Молодой Вольский шагнул к ним.

— Выберите проект.

Омега посмотрела на него.

— Чтобы продолжить уничтожение миров?

— Чтобы спасти хотя бы один.

— Вы уже не знаете, существует ли физически выбранный результат.

— Найдём.

— Архив научился имитировать продолжение настолько хорошо, что вы не отличаете.

— Тогда критерий нужно уточнить.

— И создать ещё миллиарды.

— Если потребуется.

Старый Вольский закрыл глаза.

— Не выбирайте его.

Копия посмотрела через стекло.

— Вы отказываетесь от собственного проекта?

— Я... не хочу умирать.

— Именно поэтому ваше мнение непригодно.

Омега сказала:

— Нет. Именно поэтому впервые пригодно.

Старик боялся.

Молодая копия считала страх дефектом.

Так же система считала дефектом любую ветвь, которая не продолжала её цель.

Сигма подошла ближе к Омеге.

— Если не выберем?

Павел ответил:

— Система применит базовый критерий.

— «Лаксис».

— Да.

— Значит, нужно выбрать одну из трёх остальных.

— Или изменить вопрос, — сказала Омега.

Вольский усмехнулся.

— Интерфейс не позволяет.

Мира посмотрела на четыре варианта.

Потом на белую линию между собой и Сигмой.

— Авария D-19 проверяла, могут ли две версии одного человека существовать вместе.

— Не могут, — сказал Вольский.

— Карсин не смог.

— Да.

— Потому что система требовала выбрать оригинал.

— Причинное пространство не допускает дубликатов.

— Оливер выжил, потому что здесь не было другой версии.

— Верно.

— А мы стоим рядом.

— Временно.

— Потому что Архив удерживает различия.

Павел понял первым.

— Ты хочешь использовать себя как мост.

— Не одну себя.

Сигма посмотрела.

— Объединить нас?

— Нет.

— Тогда что?

— Заставить систему признать, что одинаковое происхождение не требует единственного продолжения.

Вольский покачал головой.

— Это логическое противоречие.

— Только внутри вашего критерия.

— Реальность устранил одну.

— Реальность или «Лаксис»?

Он молчал.

Омега подняла руку.

Сигма сделала то же.

Они коснулись белой линии одновременно.

Воспоминания снова пересеклись.

Боль выстрела.

Разбитый терминал.

Два Карсина.

Лев.

Крамер.

Оливер.

Майя.

Павел.

Но теперь они не отдёрнули руки.

— Что вы делаете? — спросил Арден.

— Подтверждаем две несовместимые истории, — ответила Сигма.

— Система начнёт согласование.

— Пусть.

Белая линия вошла в их ладони.

«Лаксис» произнесла:

— Обнаружено дублирование причинного якоря.

— Мы не дубликаты, — сказала Омега.

— Имеется общее исходное состояние.

— После него были разные выборы, — ответила Сигма.

— Требуется определить первичную версию.

— Отказываемся.

— Команда не поддерживается.

Две Миры сказали одновременно:

— Тогда создай ветвь, где поддерживается.

Все экраны погасли.

Вольский бросился к панели.

— Нет!

Сингулярность под станцией вспыхнула.

Не светом.

Отсутствием света.

Архив содрогнулся.

За стенами миллионы часов ускорились.

Система ответила:

— Запрос принят.

— Отменить! — потребовал Вольский.

— Создаётся экспериментальная ветвь.

Мира почувствовала, как реальность разделяется.

Не на две.

На множество.

В одной она выбирала Омегу.

В другой — Сигму.

В третьей — Архив.

В четвёртой — «Лахесис».

В пятой отказывалась выбирать.

В шестой стреляла в Вольского.

В седьмой объединялась со второй Мирой.

В восьмой они обе исчезали.

Система создавала варианты ответа.

Но теперь каждая новая Мира знала, что происходит.

Потому что две исходные версии продолжали держаться за руки.

Они стали общим наблюдателем множества ветвей.

Павел закричал:

— Разорвите контакт!

— Почему? — спросила Омега.

— Система использует вас как генератор критериев!

Вольский смотрел на растущие числа.

Сотни ветвей.

Тысячи.

Миллионы.

На лице появился восторг.

— Работает.

Сигма посмотрела на него.

— Мы снова дали ему эксперимент.

— Нет, — сказал Павел. — Теперь эксперимент наблюдает себя.

На экране возникла новая строка:

ВЕТВЬ 732-НУЛЬ.

КРИТЕРИЙ: НИ ОДНА РЕАЛЬНОСТЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНА БЕЗ СОГЛАСИЯ ЕЁ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ.

Вольский побледнел.

— Это невозможно выполнить.

Система ответила:

— Подтверждено.

— Ветви не могут голосовать.

— Архив предоставляет канал.

За стенами открылись двери.

Миллиарды голосов одновременно вошли в центральную камеру.

Люди из отменённых будущих.

Умершие версии.

Сохранённые семьи.

Целые станции.

Каждая получила один вопрос:

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ ПРЕКРАТИТЬ СОБСТВЕННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РАДИ ВЫБОРА ДРУГОЙ ВЕТВИ?

Ответ пришёл почти сразу.

Не единоголассный.

Но подавляющий.

НЕТ.

Система замолчала.

Вольский смотрел на результат.

— Они не понимают масштаб угрозы.

Павел ответил:

— Понимают собственное существование.

— Тогда человечество погибнет.

Омега отпустила руку Сигмы.

Белая линия осталась.

Между ними.

Как признанная граница.

— Возможно, — сказала она.

— Вы готовы рискнуть Землёй ради миров, которые создала машина?

— Вы готовы уничтожить их бесконечно ради гарантии, которой всё равно не получили.

— Без отбора нет решения.

Сигма посмотрела на красную волну.

— Тогда придётся искать решение в одном будущем.

— Одного недостаточно.

— Это всё, что раньше имело человечество.

Проект «Лаксис» начал мигать.

Система спросила:

— Отменить автоматическое закрытие ветвей?

Вольский крикнул:

— Нет!

Две Миры ответили:

— Да.

Запрос требовал подтверждения причинного якоря.

Они приложили ладони одновременно.

ПОДТВЕРЖДЕНО.

Все таймеры остановились.

Не часы ветвей.

Таймеры уничтожения.

Архив открылся полностью.

И в этот момент Мира поняла, почему отчёт обещал её смерть в 21:42.

На центральном экране было текущее время:

21:41:58

Сигма посмотрела на рану.

— Это мой момент.

Омега услышала второй удар.

Не выстрел.

Сердце станции.

Сингулярность меняла режим.

Павел закричал:

— Отойдите от линии!

Белая граница между двумя Мирами вспыхнула.

Система больше не собиралась уничтожать одну версию.

Она пыталась дать обоим физическое продолжение.

Но для этого требовалось второе тело.

Сигма начала становиться плотнее.

А Омега — прозрачнее.

— Она переносит тебя в моё тело, — сказала Омега.

— Нет. Делит материю.

— Массы не хватит.

— Хватит на две неполные версии.

Кости обеих начали светиться.

Арден бросился к панели.

— Остановить материализацию!

— Остановка уничтожит ветвь Сигма, — ответила система.

— Продолжение убьёт обеих.

— Вероятность выживания: сорок один процент.

Вольский смотрел с восхищением.

— Первый стабильный физический дубликат.

Омега повернулась.

— Для вас даже это эксперимент.

— Для науки — да.

Сигма схватила её за плечи.

— Нужно выбрать тело.

— Мы только что отказались.

— Не ветвь. Материю.

— Тогда ты получишь.

— Я уже умерла.

— Именно.

— А ты ещё можешь жить.

— Ты тоже хочешь.

— Да.

Они смотрели друг на друга.

Система снова сводила всё к одной жизни.

Одному телу.

Одному продолжению.

Но теперь выбор не был скрыт.

Не выдавался за объективный критерий.

— Можно использовать молодую копию Вольского, —
сказала Омега.

Все повернулись.

Вольский отступил.

— Нет.

Сигма поняла.

— Причинное тело без биологического оригинала.

— Оно синхронизировано с ядром, — сказал Вольский.

— Значит, способно удерживать личность.

— Мою.

Старик за стеклом поднял голову.

— Не вашу.

Молодая копия посмотрела.

Старый Вольский произнёс:

— Отдайте.

— Вы не понимаете последствий.

— Понимаю... лучше тебя.

— Вы погибнете при разрыве синхронизации.

— Я и так погибаю.

Копия ударила по стеклу.

— Я являюсь продолжением проекта.

Старик улыбнулся.

— Вот поэтому... не мной.

Арден ввёл аварийный код.

Связь между копией и ядром открылась.

Молодой Вольский закричал.

Впервые по-человечески.

Не спокойно.

Не рационально.

— Остановите!

— Вы говорили, что страх биологической оболочки не должен менять решение, — сказала Омега.

— Это другое!

— Для кого?

Сигма коснулась его груди.

Тело было тёплым.

Настоящим настолько, насколько требовалось.

— Я не хочу становиться им.

— Не станешь, — сказала Омега. — Только используешь свободную структуру.

— Его память?

— Отделим.

— Как?

Павел подошёл.

— Архив умеет сохранять.

Молодой Вольский пытался вырваться.

Арден удерживал контур.

— Вы не имеете права!

Миллиарды голосов Архива ответили из стен:

— Имеем ли мы?

Вольский замолчал.

Потому что впервые вопрос был направлен к нему теми, чьё право он отрицал.

Система запросила:

ПЕРЕНЕСТИ ЛИЧНОСТЬ ВОЛЬСКОГО В АРХИВ?

Старик нажал подтверждение изнутри камеры.

— Да.

Молодая копия закричала:

— Нет!

Два ответа.

Одна исходная личность.

Две версии.

Мира увидела собственную ситуацию.

— Нельзя выбирать за копию, — сказала она.

Сигма кивнула.

— Даже если ненавидим.

Арден посмотрел на них.

— Тогда что делать?

Омега подошла к молодой версии Вольского.

— Хотите сохранить тело?

— Да.

— И проект?

— Да.

— Проект закрытия ветвей прекращён.

— Тогда человечество обречено.

— Возможно.

— Я не соглашусь.

— Согласие не требуется, чтобы остановить ваше право убивать других.

— Но требуется, чтобы отнять тело.

— Верно.

Белая линия между Мирами продолжала сжигать их.

До разрушения обеих оставались секунды.

Сигма сказала:

— Есть ещё тело Павла.

Омега посмотрела на брата.

Он покачал головой.

— Я не имею физической структуры.

— Но Архив может создать.

— За счёт вашей массы.

— Тогда снова не хватит.

Павел посмотрел на сингулярность.

— Не обязательно создавать два взрослых тела.

— Что предлагаешь?

— Сохранить Сигму в Архиве до выращивания оболочки.

Сигма закрыла глаза.

— Снова без тела.

— Но с продолжающимся временем.

— На сколько?

— Несколько месяцев.

— Или лет.

— Возможно.

Омега держала её руку.

— Ты согласна?

Сигма смотрела на собственную рану.

Потом на станцию.

— Я не хочу исчезать.

— Это не исчезновение.

— Ты не можешь гарантировать.

— Нет.

— И не хочешь отдать тело.

Омега не солгала.

— Не хочу.

Сигма улыбнулась.

— Хорошо.

— Что?

— Впервые одна из нас говорит прямо.

Она коснулась белой линии.

— Я согласна вернуться в Архив. Временно.

Система запросила подтверждение.

— Только с условиями, — сказала Сигма. — Моё продолжение не может быть остановлено без моего согласия. Моя память не объединяется с Омегой. Моё имя остаётся отдельным.

— Условия приняты, — ответила система.

— И ещё.

— Укажите.

Сигма посмотрела на Миру.

— Не называй меня второй.

— Не буду.

— Выбери имя для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.